

С.А. Храпов

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: КАТЕГОРИЯ, ФЕНОМЕН, МЕХАНИЗМЫ ДИНАМИКИ

Аннотация. Предметом исследования в статье является философский анализ социокультурного пространства постсоветской России. Осмысление социокультурного пространства постсоветской России представлено с учётом его феноменологических, географических, социальных и антропологических оснований. Значимым аспектом выстраивания исследования служит философский анализ социокультурного пространства постсоветской России как категории и феномена.

Предмет исследования конкретизируется в следующих разделах статьи: Социокультурное пространство постсоветской России: попытка категориальной определённости»; «Структура и механизмы динамики социокультурного пространства постсоветской России: попытка моделирования»; «Человек в системе социокультурного пространства постсоветской России: попытка осмысления».

Методология исследования определена компаративистским сочетанием аксиологического, социокультурного и социально-онтологического подходов. Осмысление содержательных и структурных процессов динамики социокультурного пространства постсоветской России проведено посредством сопряжения философской методологии исследования с категориальным аппаратом и методами социальной психологии, социальной когнитивистики.

Научная новизна исследования состоит в выявлении ряда ключевых характеристик социокультурного пространства постсоветской России: 1) социокультурное пространство постсоветской России можно определить как интегральный феномен, онтологически центрированный на географической и общественной реальности нашей страны, сочетающий ключевые параметры её культурного и социального развития; 2) в иерархии общественных духовных феноменов – социокультурное пространство является первичным и наиболее ёмким, включающим такие определяющие культурные феномены как язык, социальную память, менталитет, социальное бессознательное, общественное сознание, социокультурную идентичность, *habitus*; 3) наряду с определяющими культурными феноменами в структуру социокультурного пространства входят значимые образы (например, образ огромного географического пространства России; образ Родины-Матери) и типы социокультурного взаимодействия (например, установка на восприятие руководителя государства как защитника народа, традиционализм бытового уклада); 4) основными механизмами динамики социокультурного пространства постсоветской России являются: фиксация, конфликтность, интеграция, деактуализация, актуализация; 5) значимым онтологическим атрибутом социокультурного пространства постсоветской России является его антропологический характер, ибо, именно человек в своей гносеологической и социальной (во всех аспектах) деятельности является, во-первых, основным актором составляющих его феноменов (образов, типов взаимодействия), а во-вторых – основным носителем этих ключевых параметров.

Ключевые слова: социокультурное пространство, постсоветская Россия, структура, механизмы динамики, сознание, культура, общество, человек, образы, типы взаимодействия.

Abstract. The subject of research in the article is a philosophical analysis of the socio-cultural space of post-Soviet Russia. Understanding the social and cultural space of post-Soviet Russia is presented in recognition of his phenomenological, geographical, social and anthropological bases. A significant aspect of the study is building a philosophical analysis of the socio-cultural space of post-Soviet Russia as a category and the phenomenon. The subject of the study is specified in the following sections of this article: "Social and cultural space of post-Soviet Russia: an attempt categorical certainty"; "The structure and mechanisms of the dynamics of socio-cultural space of post-Soviet Russia: an attempt of modeling"; "The man in the socio-cultural space of post-Soviet Russian system: the attempt to comprehend." Research methodology is defined by a combination of comparative axiological, socio-cultural and socio-ontological approaches. Understanding

the content and structural processes of socio-cultural dynamics of post-Soviet Russia space conducted by conjugation of philosophical research methodology with categorical apparatus and methods of social psychology, social cognitive science. The scientific novelty of the research is to identify some of the key characteristics of the socio-cultural space of post-Soviet Russia: 1) socio-cultural space of post-Soviet Russia can be defined as an integral phenomenon, ontologically centered on a geographical and social reality of our country, combining the key parameters of its cultural and social development; 2) in the hierarchy of social spiritual phenomena – social and cultural space is the primary and most far-reaching, including defining such cultural phenomena as language, social memory, mentality, social unconscious, social consciousness, social and cultural identity, habitus; 3) along with defining cultural phenomenon in the structure of the socio-cultural space includes significant images (for example, the image of a vast geographical area of Russia; the image of the Motherland) and the types of social and cultural interaction (eg installation on the perception of the head of state as the protector of the people, traditionalism structure of everyday life); 4) the main mechanisms of the dynamics of socio-cultural space of post-Soviet Russia are: fixation, conflict, integration, deactualization actualization; 5) significant ontological attribute socio-cultural space of post-Soviet Russia is its anthropological in nature, for it is man in his epistemological and social (in all aspects) activity is, firstly, the main actor of its constituent phenomena (images, types of interaction), and secondly – the main carrier these key parameters.

Key words: *Post-Soviet Russia, Structure, Mechanisms of dynamics, Consciousness, Culture, Human, Society, Images, Types of cooperation, Sociocultural space.*

На протяжении последних десяти лет (с 2006 г.) занимаясь исследованием различных аспектов бытия и проявлений: человека [8; 10], общества [11; 12], культуры [6; 7] (антропологическая, социальная, культурная динамика, проблемы экономизации и технологизации, аксиологический кризис и др.), мы, каждый раз, ненамеренно «сталкивались» с вопросом о природе онтологических и феноменологических оснований, определяющих неразрывное взаимодействие этих «субъектов истории». Их сопряжённость, очевидно, определяется наличием некоего «ментально-цивилизационного ядра», о котором писали многие мыслители на протяжении всей истории философии, но которое до сих пор окончательно не определено в силу его иррационально-трансцендентальной природы. Тем не менее, философская конкретизация онтологических и феноменологических оснований неразрывного взаимодействия человека, общества и культуры, особенно необходима сегодня, как, в силу их очевидной деструктивной динамики, так и с целью расширения эпистемологического горизонта современной философии. Именно поэтому, мы решились сделать попытку философского анализа сущности и механизмов динамики данного «ментально-цивилизационного ядра», для интерпретации которого, на наш взгляд, наиболее подходит категория «социокультурное пространство».

Учитывая универсальный характер социокультурного пространства, а также сложность поставленной задачи, мы первоначально проведём концептуализацию данного феномена, после чего, попытаемся смоделировать его структуру, определить механизмы динамики и установить роль человека в его системе.

Социокультурное пространство постсоветской России: попытка категориальной определённости

Использование в философском дискурсе категорий «социальное» и «культурное», которые, в силу своей эпистемологической и онтологической широты, всегда требуют концептуальных уточнений. В частности, современные философы Ю.В. Попков, В.Г. Костюк дали следующую конкретизацию категорий «социальное» и «культурное» в контексте концептуального поля социокультурного подхода: «Социальное рассматривается в широком смысле в качестве некоторой системной целостности, имеющей внутреннее строение – экономическую, политическую, культурную, социальную (в узком смысле) подсистемы, тесно взаимосвязанные благодаря деятельности наделённых сознанием индивидов. ... Аналогично понятие “культура” в истории науки прошло путь от отождествления его с общественным (внеприродным) до определённой спецификации его содержания по сравнению с понятием “общество”. В современных условиях в интерпретации культуры как подсистемы общественной жизни акцент делается на её ценностно-нормативных и информационно-регулирующих характеристиках, обеспечивающих сохранение качественного своеобразия конкретных обществ» [4, с. 68-69].

Классик социокультурного подхода П.А. Сорокин очень точно конкретизировал суть и основных «субъектов» социокультурного взаимодействия: «Структура социокультурного взаимодействия, если на неё посмотреть под несколько иным углом зрения, имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) *личность* как субъект взаимодействия;

2) *общество* как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) *культура* как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения... Ни один из членов этой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других. ...Неадекватна любая теория, которая концентрируется лишь на одном из них, исследуя социокультурный мир. Из дидактических соображений их можно изучать по отдельности; но когда анализ каждого члена триады завершён, этот элемент должен быть соотносён с тройственным разнообразием, или матрицей, в которой он существует» [5, с. 218, 219]. Данные «субъекты» социокультурного взаимодействия, несомненно, определяют и динамику социокультурного пространства современной России.

Динамика культуры и социальности – процессы сопряжённые, но протекающие в неких различных пространственно-временных плоскостях, поскольку исторически и качественно различны, функционируют посредством разных механизмов и имеют разные цели. С.В. Крупницкий верно отмечает, что «пространственная модель интегральной социокультурной сверхсистемы, как результирующий, систематический гармонический ценностный образец определяет понимание социума. Вышеназванные понятия приобретают научную достоверность, когда интерпретируются как переменные социокультурных сверхсистем. ... Каждая из пространственных социокультурных сверхсистем обладает свойственной ей ментальностью, системой истины и знания, философией и мировоззрением, своей религией и образом «святости», собственным представлением права и долга, словесности и искусства, нравами, законами, кодексом поведения, экономической и политической организацией и, наконец, собственным типом личности. Социальность, преодолевая физическую среду или приспособляясь к ней, создаёт новое пространственное качество, самыми заметными элементами которого являются государственное и социокультурное членение» [1].

Детерминантами динамики социокультурного пространства следует рассматривать основные тенденции культурного и социального развития [2; 9; 13]. Подобный подход предполагает существование в социальном бытии неких базовых культурных универсалий (В.С. Стёпин и др.). А.Е. Чучин-Русов отмечает наличие детерминизма в чередовании культурных эпох, а форма и содержание социокультурного процесса обуславливают

ся некими факторами, которые он называет «культурногенетическими универсалиями» [15, с. 5-7]. Данные феномены определяют ключевые параметры социального, культурного, антропологического развития, поскольку их феноменальность в историческом процессе обретает имманентность архетипного характера.

В качестве культурных универсалий, входящих в социокультурное пространство, обычно выделяют образ географического пространства России, определяющий картину мира, уклад жизни, тип социально-политического взаимодействия и, собственно, культурные факторы. Так А.С. Панарин отмечает «природные факторы, как наиболее значимые исторические события, формирующие ментальные установки и культурные факторы, формирующие долговременные структуры социокультурного пространства» [3]. На наш взгляд, при осмыслении данных факторов и составляющих российского социокультурного пространства следует учитывать, что они не являются абсолютно реликтовыми образованиями, как это часто пытаются представить критики социокультурного подхода. Социокультурное пространство обладает определённой лабильностью. Исключением, пожалуй, является географический фактор, что для России особенно важно, ведь её образ Великой страны во многом центрирован на обширной территории и природных ресурсах. Но и здесь наблюдаются определённые изменения. Например, в период Киевской Руси более важными составляющими географического фактора были не масштабы, а его качественные характеристики, определившие сельскохозяйственный уклад культуры. Что касается исторического и культурного факторов, то в них степень изменчивости ещё более высока. Крупные исторические события оказывают непосредственное влияние на социокультурное пространство в определённом временном контексте (Татаро-монгольское иго, Великая отечественная война 1941-1945 гг.), затем их влияние проявляется уже опосредованно через сложившиеся в период их фактического существования структуры политического и социального взаимодействия (*habitus*), мифологические образы, системы оценивания, ментальные стереотипы, приоритеты настоящего и т.д.

Среди многочисленных подходов к исследованию и интерпретации социокультурного пространства мы остановились на двух его основных смыслах. В первом смысле, под ним понимается географическое пространство России, освоенное человеком, обществом и культурой. Во втором смысле, понятие «социокультурное пространство»

используется нами как методологическая категория, концептуально связывающая такие значимые координаты трансформации общественного сознания как социум, культура, человек и сфера иррационального. Мы полагаем, что **социокультурное пространство постсоветской России является интегральным феноменом, онтологически центрированным на географической и общественной реальности нашей страны, сочетающим ключевые параметры её культурного и социального развития.**

Структура и механизмы динамики социокультурного пространства постсоветской России: попытка моделирования

Вопрос о структуре социокультурного пространства постсоветской России, определённо, не имеет однозначного ответа, в силу иррациональной природы и универсальности этого феномена. Тем не менее, в концептуальном плане, безусловно, необходимо смоделировать некую структурную форму – выступающую определённым методологическим инструментом для познания сущности социокультурного пространства, осмысления входящих в него феноменов, а также механизмов его динамики. Попытаемся осуществить подобное моделирование.

На наш взгляд, социокультурное пространство следует рассматривать с двух позиций: содержания и структуры. В *содержательном плане* российское социокультурное пространство представлено особо значимыми параметрами, определяющими цивилизационное развитие в широком историческом контексте. С целью конкретизации, данные параметры можно разделить на два вида: образы и типы социокультурного взаимодействия. В структурном плане, образы и типы взаимодействия представлены в различных уровнях феноменов, составляющих социокультурное пространство. Так особо значимыми являются: язык, коллективное и социальное бессознательное, менталитет, система хабитуляции (сложившегося структурно-функционального социального взаимодействия), ценностная система, социокультурная идентичность и общественное сознание. Данные феномены зафиксированы в идеальных и материальных носителях социальной памяти. Мы полагаем, что наличие данного базового набора ценностных ориентаций, мировоззренческих образов, ментальных установок и принципов социокультурного взаимодействия определяет устойчивость цивилизационного развития России.

Российское социокультурное пространство в силу специфики исторического развития содержит

в себе множество слоёв, и, казалось бы, несовместимых феноменов и механизмов функционирования (например, ментальные установки сакрализации власти и стремление к абсолютной свободе), которые, несомненно, определяют и трансформацию общественного сознания: как в историческом, так и в современном контекстах.

Для понимания социокультурного характера процессов трансформации сознания в культуре постсоветской России мы полагаем возможным выделить следующие основные механизмы динамики российского социокультурного пространства:

- 1) Фиксация: заключается в историко-культурном и социо-гносеогенном определении наиболее значимых процессов и событий культурного, социального, антропологического развития и формировании их качестве образов и структур социокультурного пространства. Этапы данного процесса обусловлены как сложностью самих объектов фиксирования, так и феноменальностью социокультурного пространства. Например, фиксирование образа «Святая Русь» происходило посредством определения огромного значения Православной Веры в истории России, а также с помощью явлений социальной памяти, общественного сознания, культурно-психологических и лингвистических механизмов.
- 2) Конфликтность: является очень значимым механизмом для динамики российского социокультурного пространства и трансформации сознания. Это объясняется не только синергетическим принципом функционирования систем (самоорганизация – флуктуация – би(поли)фуркация – самоорганизация), но и его географическими, религиозными, этническими, политическими параметрами, в силу которых российское социокультурное пространство постоянно находится в состоянии конфликтотенной напряжённости.

В развитии культуры удельный вес прошлого более значим, тогда как для общества и человека более значим контекст настоящего и футурологические ожидания. Процессы культурного и социального развития образуют единую целостность общественного бытия, хотя и имеют некоторые различные закономерности функционирования. Социальные изменения обусловлены настоящим временем и, в целом, протекают в рамках культурной парадигмы, постепенно адаптируясь к ней (вспомним симбиоз язычества и раннего православия). Культура же ориентирована на некую идеальную модель социальной системы и человека. Она наполняет своим содержанием социальную фор-

му, предоставляя обществу и человеку потенциал (почву) для дальнейшего развития. Культура хранит очень многое, часто демонстрируя излишний традиционализм. Рано или поздно этот конфликт противоречий в социокультурном пространстве разрешается с конструктивными или деструктивными последствиями. Именно наличие опыта социокультурной саморегуляции определяет устойчивость цивилизации.

3) Интеграция: выражается в синтезе различных культурных программ, ментальных поведенческих матриц, ценностных ориентаций, картин мира и других элементов и детерминант в едином целостном социокультурном пространстве России. Процессы данной интеграции протекают по-разному. Иногда одни социокультурные элементы поглощают другие, включают их в свою структуру полностью или частично. Другой вариант – когда новые элементы интерпретируются искажённо, через призму специфики социокультурного пространства (например, свобода). Также возможно возникновение новых элементов и образов, выполняющих функцию «буфера» между жёсткими традиционными структурами и новыми составляющими социокультурного пространства. Большую роль в реализации этого механизма играют социальная память и сознание, поскольку именно в их социо-гносеогенном поле процессы интеграции проявляются наиболее ярко.

В качестве примера, можно рассмотреть вопрос об институте собственности и его интегральном образе в социокультурном пространстве. Географические условия нашей страны долгое время определяли общинный и вотчинный характер собственности. Автохтонный характер власти в России, впитавший и политические элементы государственного устройства Золотой орды, на многие века определил ситуацию, когда большинство населения пользовались некоей общей собственностью и лишь властные элиты обладали собственностью личной. После провозглашения права на частную собственность в 1991 г., в правовое поле социокультурного пространства и сознания, устойчиво вселялась её идея и ценности, будировались ментальные установки и образ широкого собственника, общественного и культурного деятеля, каких много было в России XIX в. Данная интеграция осложнялась реальной ситуацией, когда прежняя общественная государственная собственность опять сосредоточилась в руках полпроцента населения страны. Тем не менее, мощная вестернизация и активная деятельность СМИ укоренили в социокультурном пространстве образ частной собственности, который интегрировался в менталь-

ное представление о том, что собственностью может обладать лишь лицо, наделённое властью или близкое к власти. Как не парадоксально звучит, но это в определённой степени снизило социально-политическую напряжённость, что невозможно было бы в любой другой европейской стране в случае подобного социального расслоения. Ясно также, что подобный конгломерат нашёл парадоксальное выражение в сознании и является значимым социокультурным ограничением трансформации России (патерналистские установки населения, доминирование государственной собственности, низкий уровень частных экономических инициатив).

4) Деактуализация: проявляется в выведении или самостоятельном уходе неких элементов, образов, ценностей, поведенческих установок из широкого общественного дискурса, актуального поля социокультурного пространства, социальной памяти и сознания. Это перемещение в неактуальную зону социального бессознательного и социальной памяти объясняется рядом причин. К ним можно отнести ситуацию, когда данные элементы теряют свою актуальность в силу сугубо исторических причин. Например, забываются слова и обороты речи, означающие уже устаревшие предметы, обычаи и т.п. Процессы деактуализации могут быть объяснены и культурным кризисом, разрывами социальной памяти. Так очень незначительное количество современных россиян помнит своих прадедов. Существует и, так называемая, институциональная деактуализация, когда из актуального поля социокультурного пространства и сознания вытесняется информация по политическим и экономическим соображениям (секуляризация социокультурного пространства СССР, девальвация национальных образов и ценностей с целью продвижения глобальных ценностей, глобального образа мира).

5) Актуализация: обратный предыдущему механизм, выражающийся в существовании в социокультурном пространстве значимых культурных, социальных, антропологических тенденций настоящего. Не менее важной является и другая сторона механизма актуализации, когда из глубин социальной памяти, социального бессознательного и менталитета в актуальное поле социокультурного пространства и сознания перемещаются определённые образы, ценности, установки. (Например, в силу тяжёлых исторических обстоятельств актуализируются архетипические образы Рода, Родины, Природы, Вождя и др. Возможны также и политические и экономические манипуляции. Достаточно вспомнить сакрализацию образов советских вождей, использование национальных исторических образов в рекламе товаров и услуг).

Человек в системе социокультурного пространства постсоветской России: попытка осмысления

Вопрос о роли человека в социокультурном пространстве является очень значимым по ряду причин.

Во-первых, необходимо уйти от распространённого «поверхностного» отношения к человеку, к его роли в системе социокультурного взаимодействия. Подобный деантропологизм имеет давнюю историю, начиная с объективного идеализма Г. Гегеля, Э. Дюркгейма – до наших дней. В рамках философии культуры, культурной антропологии и психологии, филологии и мифологии также постоянно воспроизводилась идея об универсальном значении для человека, выработанного до него культурно-исторического (ментального) опыта, которое выступает как надличное, фактически трансцендентное. При этом, как бы выносился «за скобки» факт того, что этот универсальный опыт был также выработан человеком и, что особенно важно, современный человек, несомненно, вырабатывает подобный опыт для последующих поколений. Уместным будет вспомнить и резонансную для нашей советской философии полемику Э. Ильенкова и Д. Дубровского. Именно, исходя из идеи о роли человека как актора общественного и культурного бытия, можно постулировать его роль в формировании и динамики социокультурного пространства.

Во-вторых, следует избегать другой крайней позиции – «гиперантропологизма», когда всё общественное, культурное редуцируется к антропологическому. Данная позиция тоже сильна сегодня, когда «дух постмодернизма» и «методологического плюрализма» пытается девальвировать все метанарративы, в том числе и ценностные, идентификационные матрицы культуры и сознания. Идеи «о конце социального» также поддерживают данный дискурс, укрепляя позиции о постоянном творении и рождении новой социальности, новой культуры, нового искусства и т.п. – соответственно они универсализируют и роль человека в этих «актах творения». Мы убеждены, что такой подход также граничит с формализмом и пытается снять вопрос о глубинных взаимосвязях человека и социокультурного пространства, поскольку методологически он решить его не может.

В-третьих, попытка избегания крайностей деантропологизма – гиперантропологизма в интерпретации роли человека в динамике социокультурного пространства – концептуально предполагает нахождения третьего варианта, некой «золотой середины». Очевидно, что это наиболее уязвимый

для критики путь к пониманию проблемы, но другого, на наш взгляд, нет.

В определённой степени здесь нам может помочь экспликация гениальной идеи Н. Кузанского о человеке как микрокосме – интегрирующего в себе макрокосмос. Вынося «за скобки» теологический контекст его подхода, можно увидеть очевидную параллель в его понимании соотношения микрокосма и макрокосмоса и нашей попытки соотношения человека и социокультурного пространства.

Исходной посылкой нашей аргументации будет представление о том, что феномены социокультурного пространства (язык, менталитет, социальная память, habitus, социокультурная идентичность, социальное бессознательное, общественное сознание), а также содержащиеся в них образы и типы взаимодействия (рассмотренные нами выше):

- А) выработаны человеком в процессе культурно-исторического развития;
- В) зафиксированы в когнитивно-экзистенциальной сфере человека (язык, ментальность, память, идентичность, индивидуальное бессознательное, сознание);
- С) не являются «реликтовыми», статичными образованиями, а подвержены динамичности в силу активности социокультурного и антропологического развития в его объективированном варианте.

Соответственно, человек и социокультурное пространство не идентичны по масштабам содержания, но, во многом, едины по гносеогенно-онтогенной природе.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Социокультурное пространство представляет собой интегральный духовный феномен, сопряжённый с материальным (географическим, природным) пространством.
2. Социокультурное пространство постсоветской России можно определить как интегральный феномен, онтологически центрированный на географической и общественной реальности нашей страны, сочетающий ключевые параметры её культурного и социального развития.
3. В иерархии общественных духовных феноменов – социокультурное пространство является первичным и наиболее ёмким, включающим такие определяющие культурные феномены как язык, социальную память, менталитет, социальное бессознательное, общественное сознание, социокультурную идентичность, habitus.

- Наряду с определяющими культурными феноменами в структуру социокультурного пространства входят значимые образы (например, образ огромного географического пространства России; образ Родины-Матери) и типы социокультурного взаимодействия (например, установка на восприятие руководителя государства как защитника народа, традиционализм бытового уклада).
- Основными механизмами динамики социокультурного пространства постсоветской России являются: фиксация, конфликтность, интеграция, деактуализация, актуализация.
- Значимым онтологическим атрибутом социокультурного пространства постсоветской России является его антропологический характер, ибо, именно человек в своей гносеологической и социальной (во всех аспек-

тах) деятельности является, во-первых, основным актором составляющих его феноменов (образов, типов взаимодействия), а во-вторых – основным носителем этих ключевых параметров, воспроизводящим их своей когнитивной и праксиологической активностью – укореняя тем самым социокультурное пространство в системе общественного бытия.

Безусловно, данные характеристики социокультурного пространства постсоветской России не исчерпывают всю глубину, масштаб его универсальности и не снимают все методологические проблемы его философского исследования. Тем не менее, они, на наш взгляд, могут в определённой степени расширить понимание его феномена, столь необходимое в условиях современного социокультурного кризиса.

Список литературы:

- Крупницкий С.В. Первичное социальное пространство: время и протяженность // С.В. Крупницкий. URL: <http://humanus.by.ru/studia/tempex.htm#b1#b1>, свободный. – Заглавие с экрана.
- Лапин Н.И. Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 3-17.
- Панарин А.С. Процессы модернизации и менталитет: по материалам круглого стола «Российская ментальность» содержание // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 33-38.
- Попков Ю.В., Костюк В.Г. Социокультурная динамика: концептуальные подходы // Вестник НГУ. Серия философия. Т. 11. Вып. 2. С. 68-74.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
- Храпов С.А. Аксиодинамика общественного сознания постсоветской России: социокультурный анализ // Философия и культура. 2015. № 5. С. 752-761. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.5.14234.
- Храпов С.А. Современный социокультурный контекст девальвации классических аксиологических моделей «Бытие» и «Бог» // Философия и культура. 2014. № 8. С. 1208-1215. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.8.12486.
- Храпов С.А. Социально-философский подход к проблеме деструктивности в психоаналитической традиции современной западной философии // Гуманитарные исследования. 2006. № 1. С. 22-25.
- Храпов С.А. Социокультурная динамика общественного сознания постсоветской России. М.: Социально-политическая мысль, 2010. 160 с.
- Храпов С.А. Техногенный человек: проблемы социокультурной онтологизации // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 66-75.
- Храпов С.А. Трансформация общественного сознания современной России: социокультурные основания и кризисные тенденции // Социальная политика и социология. 2008. № 3. С. 231-245.
- Храпов С.А. Трансформация сознания российского общества в контексте социально-экономической динамики потребления // Власть. 2010. № 2. С. 56-58.
- Храпов С.А. Трансформация сознания российского общества в контексте его социокультурной динамики // Власть. 2009. № 9. С. 50-53.
- Шабунова А.А. Актуальные проблемы социокультурной модернизации регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6. С. 167-171.
- Чучин-Русов А.Е. Культурно-исторический процесс: форма и содержание // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 5-7.
- Деметрадзе М.Р. Социокультурные механизмы модернизации. Адаптационно-догоняющая стратегия политики переходного периода постсоветских обществ // Политика и общество. 2015. № 12. С. 1597-1602. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.12.17220.
- Корень Р.В. Трехединая пассионарно-этническая структура общества как предмет ведения социологии и социальной философии // Политика и общество. 2013. № 1. С. 66-75. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.01.8.
- Орлова Э.А. Синергетические идеи в изучении социокультурной микродинамики // Культура и искусство. 2012. № 4. С. 18-31.
- Буюева Л.П. Механизм идентификации в культуре // Психология и психотехника. 2012. № 11. С. 41-49.

References (transliterated):

- Krupnitskii S.V. Pervichnoe sotsial'noe prostranstvo : vremya i protyazhennost' // S.V. Krupnitskii. URL: <http://humanus.by.ru/studia/tempex.htm#b1#b1>, svobodnyi. – Zaglavie s ekrana.

2. Lapin N.I. Problema sotsiokul'turnoi transformatsii // Voprosy filosofii. 2000. № 6. S. 3-17.
3. Panarin A.S. Protsessy modernizatsii i mentalitet: po materialam kruglogo stola «Rossiiskaya mental'nost'» sodержanie // Voprosy filosofii. 1994. № 1. S. 33-38.
4. Popkov Yu.V., Kostyuk V.G. Sotsiokul'turnaya dinamika: kontseptual'nye podkhody // Vestnik NGU. Seriya filosofiya. T. 11. Vyp. 2. S. 68-74.
5. Sorokin P.A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo. M.: Politizdat, 1992. 543 s.
6. Khrapov S.A. Aksiodynamika obshchestvennogo soznaniya postsovetskoj Rossii: sotsiokul'turnyi analiz // Filosofiya i kul'tura. 2015. № 5. S. 752-761. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.5.14234.
7. Khrapov S.A. Sovremenniy sotsiokul'turnyi kontekst deval'vatsii klassicheskikh aksiologicheskikh modelei «Bytie» i «Bog» // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 8. S. 1208-1215. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.8.12486.
8. Khrapov S.A. Sotsial'no-filosofskii podkhod k probleme destruktivnosti v psikhoanaliticheskoj traditsii sovremennoj zapadnoj filosofii // Gumanitarnye issledovaniya. 2006. № 1. S. 22-25.
9. Khrapov S.A. Sotsiokul'turnaya dinamika obshchestvennogo soznaniya postsovetskoj Rossii. M.: Sotsial'no-politicheskaya mysl', 2010. 160 s.
10. Khrapov S.A. Tekhnogennyy chelovek: problemy sotsiokul'turnoi ontologizatsii // Voprosy filosofii. 2014. № 9. S. 66-75.
11. Khrapov S.A. Transformatsiya obshchestvennogo soznaniya sovremennoj Rossii: sotsiokul'turnye osnovaniya i krizisnye tendentsii // Sotsial'naya politika i sotsiologiya. 2008. № 3. S. 231-245.
12. Khrapov S.A. Transformatsiya soznaniya rossiiskogo obshchestva v kontekste sotsial'no-ekonomicheskoi dinamiki potrebleniya // Vlast'. 2010. № 2. S. 56-58.
13. Khrapov S.A. Transformatsiya soznaniya rossiiskogo obshchestva v kontekste ego sotsiokul'turnoi dinamiki // Vlast'. 2009. № 9. S. 50-53.
14. Shabunova A.A. Aktual'nye problemy sotsiokul'turnoi modernizatsii regionov Rossii // Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2013. № 6. S. 167-171.
15. Chuchin-Rusov A.E. Kul'turno-istoricheskii protsess: forma i sodержanie // Voprosy filosofii. 1996. № 4. S. 5-7.
16. Demetradze M.R. Sotsiokul'turnye mekhanizmy modernizatsii. Adaptatsionno-dogonyayushchaya strategiya politiki perekhodnogo perioda postsovetskikh obshchestv // Politika i obshchestvo. 2015. № 12. S. 1597-1602. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.12.17220.
17. Koren' R.V. Triedinaya passionarno-etnicheskaya struktura obshchestva kak predmet vedeniya sotsiologii i sotsial'noi filosofii // Politika i obshchestvo. 2013. № 1. S. 66-75. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.01.8.
18. Orlova E.A. Sinergeticheskie idei v izuchenii sotsiokul'turnoi mikrodinamiki // Kul'tura i iskusstvo. 2012. № 4. S. 18-31.
19. Bueva L.P. Mekhanizm identifikatsii v kul'ture // Psikhologiya i psikhotehnika. 2012. № 11. S. 41-49.